

Зинченко Наталия Сергеевна

ИРОНИЯ КАК МНОГОАСПЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В данной статье предпринята попытка выявить отдельные перспективные толкования феномена иронии в философии, психологии и лингвистике. Автор стремится путем сопоставительного анализа словарных дефиниций, философских и научных трудов, статей, диссертационных исследований выявить общие рациональные признаки, которые могут лечь в основу создания модели интерпретации иронического художественного дискурса, соответствующей современной научной парадигме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 126-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-13

В данной статье предпринята попытка выявить отдельные перспективные толкования феномена иронии в философии, психологии и лингвистике. Автор стремится путем сопоставительного анализа словарных дефиниций, философских и научных трудов, статей, диссертационных исследований выявить общие рациональные признаки, которые могут лечь в основу создания модели интерпретации иронического художественного дискурса, соответствующей современной научной парадигме.

Ключевые слова и фразы: ирония; художественный текст; философия; психология; лингвистика; интердискурс; интрадискурс.

Зинченко Наталия Сергеевна

*Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко
zinchenko12@gmail.com*

ИРОНИЯ КАК МНОГОАСПЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Уже столетиями феномен иронии рассматривается разными направлениями гуманитарного знания и трактуется то максимально широко – как мировоззрение, то чрезмерно сужено – как употребление слова с позитивным значением для обозначения реально негативного явления с целью насмешки.

Современная научная парадигма постмодернизма характеризуется стремлением синтезировать различные точки зрения для создания действенных методов анализа антропоцентрического бытия. В последние десятилетия распространенными стали ироническая коммуникация, ироническая проза, поэзия, резко возрос интерес к ироническим произведениям прошлых веков (в частности, к творчеству английской писательницы XVIII в. Джейн Остен). При этом исследование художественных текстов зачастую проводится с использованием устарелого или несоответствующего заявленной цели методологического инструментария. Поэтому считаем, что обращение к иронии как многоаспектному феномену дискурса является актуальным.

Ирония в философии. Термин «ирония» пришел в философию из сферы искусства. Аристофан употреблял эпитет «ироник» в разных пьесах, но везде в отрицательном смысле, обозначая обманщика, хитреца, насмешника, лжеца.

Именно комедийность персонажей, их скрытые негативные цели дали возможность в дальнейшем связать иронию с эстетической категорией комического, а в установках ироника (иронизирующего субъекта) усматривать критическое отношение к объекту. Так, в современном «Кратком словаре по эстетике» дается такое однозначное определение: «термин, обозначающий разновидность комического, а также один из способов создания комедийного образа. В противоположность юмору, непосредственно реагирующему на комическое открытым смехом, ирония – скрытая насмешка, взрывная сила которой замаскирована внешне серьезной формой» [4]. В Философской энциклопедии под редакцией Ф. В. Константинова наряду с нейтральным определением иронии как категории философии и эстетики, обозначающей высказывание или образ искусства, обладающие скрытым смыслом, обратным тому, который непосредственно высказывается или выражается, указывается, что ирония – это вид скрытой насмешки и суть ее в том, что «кто-либо соглашается, доказывает, утверждает заявлением право на существование, но в этом утверждении и выражается отрицательное отношение к объекту» [14].

Однако следует вспомнить, что Аристофан направлял свое оружие комедии против софистов и диалектиков, а лжецом, лицемером называл самого Сократа, сформировав общественное мнение, на основании которого великий мудрец был осужден на смертную казнь за «развращение молодежи» путем ведения иронических диалогов. Этот факт опускается в энциклопедиях, где «сократовская» ирония никак не связывается с буквальным значением термина.

В диалогах Платона Сократ широко использует иронию как средство полемики и доказательства истины. Великий мудрец принижает свое знание, делает вид, что не имеет никакого представления о предмете спора, поддакивая собеседнику, задает ему «наивные» вопросы, которые и приводят к поискам истины. Ирония Сократа – это насмешка, но направленная на то, чтобы научить человека думать, под видом самоуничтожения добиться высшей справедливой цели. Сократовское «притворство» начинается с внешней позы насмешливого «поведения», но имеет своей целью конечную истину, процесс открытия которой, однако, принципиально не завершён. Именно сократовская ирония содержит в себе главные характеристики иронии как категории философии и эстетики: наличие и соединение двух противоположных смысловых планов (явного и скрытого, требующего разгадки); необходимость интеллектуальной подготовки, для того чтобы понять иронический смысл; элемент несерьезности, насмешливости, то есть притворства, игры; связанность с переосмыслением установок, мнений, воззрений, эффект разрушения старого ради нового; целенаправленность не на смех, улыбки, которые сопровождают момент выражения, демонстрации иронии, а на размышления, на нечто серьезное [7; 8].

Аристотель рассматривал иронию с этической точки зрения – как притворство, противоположное хвастовству, располагая в «Никомаховой этике» в следующем ряду: «хвастовство – истина – ирония» [2]. Ироник скрывает свои знания, приписывает себе меньше наличного, что является одной из главных добродетелей. Способность к иронии есть свойство величия души.

Позднее ирония рассматривалась только как отрицательное явление, проявление враждебности и после смерти Сократа не пересекалась с философией вплоть до XVIII столетия. Ее рассматривали как риторический прием, троп, образованный ложью, используемый для осмеяния.

По мнению А. Ф. Лосева, ирония становится категорией философской и мировоззренческой именно в те эпохи, когда философия обращается к человеку, к вопросам человеческого сознания [7].

В XVIII веке романтизм провозгласил иронию центральной категорией своей эстетико-мировоззренческой системы. Немецкие романтики придавали иронии универсальное значение, рассматривая ее не только как прием искусства, но и как принцип мышления, философии и бытия. Понятие «романтическая ирония» получило развитие в теоретических работах Ф. Шлегеля, который противопоставил художественной иронии риторически-полюемическую [17]. В основных своих чертах романтики продолжили сократовскую линию, но расставили иные акценты, выявили основные противоречия, порождавшие иронию: несоответствие должного и сущего, идеала и действительности, духовное превосходство личности над обществом.

Романтической иронии свойственно критическое отношение к действительности. Действительность воспринималась как нечто изначально дефектное, не обладающее статусом подлинности. Ирония возникает как проявление превосходства, выражаемого над самим выражением. Это знак дистанции между несовершенством и неполнотой объективированного смысла. Ирония синтезирует противоположности, объединяя серьезное и смешное, трагическое и комическое, поэзию и прозу, гениальность и критику. Игра иронии становится для романтиков моментом самопонимания, то есть актом рефлексии.

К теории романтической иронии обычно причисляют эстетику Карла Зольгера. Различая в искусстве два вида фантазии – «чувственную» и «фантазию фантазии», или «рассудок фантазии», К. Зольгер выделяет пару полярных категорий – юмор и остроумие. Юмор соответствует в этой системе чувственному осуществлению фантазии, остроумие – рассудочному. Остроумие проистекает из осознания тех противоречий, которые возможно постичь только при помощи разума и рассудка [3].

Конец XIX – начало XX в. ознаменовались кризисом общественного сознания, ожиданием гибели европейской цивилизации. Романтическая ирония переходила в трагическую. В неоромантической эстетике символистов ирония как насмешка стала приемом, раскрывающим контраст между идеалом и ничтожеством явления. С начала XX в. ирония рассматривалась и как мировоззрение, и как эстетическая категория, и как стилистический прием.

Модернистская ирония становится способом абстрагирования сознания от мира, что приводит к возникновению культурного элитизма – того аристократизма духа, который обращен к себе и очарован внутренними иррациональными горизонтами сознания. Трагическая ирония романтиков, в которой еще сохранялась симпатия к миру, сменяется нигилистической – поруганием над миром, человеком и его ценностями. Такая ирония сопровождается пародией, цинизмом, «черным юмором», фарсом и гротеском. Предельной фазой развития нигилистской иронии элитарного сознания становится искусство абсурда, в котором острие иронии направлено к иллюзии повседневной жизни, здравого смысла и языку штампов [10].

Во второй половине XX в. с возрастанием значения средств массовой информации, знаковых систем стало ясно, что эпоха рационализма исчерпала себя: общество, хотя и стало открытым обществом всеобщего потребления, не стало счастливее. Рост потоков информации, развитие знания привели к тому, что человек осознал себя универсальным господином всех категорий. На место каузального объяснения мира приходит синергетика, позволяющая ориентироваться в разных системах. Не линейный детерминизм, а контекстуальность, показывающая смещение различных сфер жизни в сложных системах, стала показателем научности. Происходит поворот от анализа структуры к тому, что лежит вне ее: к полю возможностей, где взаимодействуют фрагменты истории, морали, политики, художественной практики, воспринимаемые и передаваемые с помощью последовательности знаков. Таким образом, весь мир превращается в текст, погруженный в интер- и интрадискурс. По мнению Мишеля Фуко, философская субъективность рассеивается внутри языка. Это и составляет одну из фундаментальных структур современной мысли [13, с. 123].

Ирония становится движением оспаривания нормы, правила, здравого смысла, разрывом означающих и означаемых. Она легко переходит в парадокс и шутку. Это ирония случайности, игра, приносящая удовольствие. Двойное кодирование, сопоставление двух и более текстуальных миров, стилей, парадоксальные сравнения, цитация, использование прецедентных текстов, создание окказионализмов, пародий приводят к бесконечным возможностям вариаций понимания.

В результате складывается понимание культуры как многослойной системы текстов, которые отсылают друг к другу, цитируются, вызывая при этом интеллектуальное наслаждение. Ирония, являясь универсальным стилистическим приемом, формальной риторической фигурой, которая может быть наполнена любым содержанием – теоретическим, эстетическим, этическим – обладает определенным аксиологическим потенциалом, особенно в переходную эпоху. Можно сделать вывод об иронии как об органичном элементе «языковых игр» постмодерна, широком использовании ее в художественной практике эпохи на основе амбивалентности постмодернистских смысловых оснований.

Ирония в психологии. Отделившись от философии в середине XIX в., психология сохранила тесную связь с ней. Существуют научные проблемы, которые изучались и изучаются как философией, так и психологией. К таким проблемам относятся и проблема иронии.

3. Фрейд связывал иронию с остроумием и относил к сфере комического [16]. По его мнению, с помощью комического человек разряжает мыслительную энергию. Остроумие связано с разрядкой энергии

вытеснения и является ничем иным, как инфантильным типом мыслительной работы. Остроумие – выражение бессознательной агрессии и сексуальных импульсов, которые обычно подавляются. Такие шутки являются выражением либидо.

Иронию как изображение при помощи противоположности З. Фрейд считал техническим приемом, общим остроумию и сновидению. Остротой чаще всего возражают на какое-либо утверждение тогда, когда поддерживают противоположное положение, грозящее опасностью. Это и приводит к ироническому высказыванию, противоположному тому, что человек собирался сказать другому. Ирония применима только там, где человек готовится услышать противоположное. В силу этого условия ирония особенно подвержена опасности не быть понятой. Для ироника она представляет ту выгоду, что дает возможность легко обходить трудности прямых возражений, как, например, ругательств. У слушателя ирония вызывает комическое удовольствие, поскольку побуждает его к затрате психической энергии на разрешение противоречия. На отличии высказываемого от сопровождающих жестов (в широчайшем смысле) основана характерная черта комизма, описываемая как «бесстрастность». Остроумие в целом, согласно Фрейду, направлено на получение удовольствия от душевных процессов – интеллектуальных или каких-то других.

С. Л. Рубинштейн считал иронию видом эмоциональных переживаний, аналогичных по уровню обобщенности отвлеченному мышлению, – видом мировоззренческих чувств. В своем фундаментальном труде «Основы общей психологии» [12] С. Л. Рубинштейн рассматривает психологические различия между юмором и иронией. Чистый юмор, по его мнению, означает реалистическое «принятие мира» со всеми смешотворными слабостями и недостатками, за которыми скрывается ценное, значительное и прекрасное.

Ирония расщепляет то единство, из которого исходит юмор. Она противопоставляет положительное отрицательному, идеал – действительности, возвышенное – смешному, бесконечное – конечному. В чистом виде ирония предполагает, что человек чувствует свое превосходство над предметом, вызывающим у него ироническое отношение. Истинная ирония всегда направляется на свой объект с каких-то вышестоящих позиций; она отрицает то, во что метит, во имя чего-то лучшего. Она может быть высокомерной, но не мелочной, не злобной. Становясь злобной, она переходит в насмешку, в издевку. И хотя между подлинной иронией и насмешкой или издевкой как будто едва уловимая грань, в действительности они – противоположности. Если за иронией стоит идеал, в своей возвышенности иногда слишком абстрактный внешне, может быть, слишком высокомерно противопоставляющий себя действительности, то за насмешкой и издевкой скрывается чаще всего цинизм, не признающий ничего ценного.

Чувства юмора, иронии, трагизма – это чувства, выражающие весьма обобщенное отношение к действительности. Они выявляют мировоззренческие установки человека, опосредованно сказываются на всем его поведении, на самых различных его действиях и поступках, всем образе его жизни.

Э. И. Киришбаум определяет иронию как самый умный, самый благородный, самый изящный, доставляющий эстетическое удовольствие своей изысканностью защитный механизм [6]. Ирония – это способность к рефлексии, к выходу из полной поглощенности ситуацией. Иронизирование дает возможность отстранения, отчуждения, нового видения ситуации. Как психическое состояние ирония – это знак изменения переживания ситуации с минуса на плюс. Ирония как психический процесс превращает то, что для человека ужасно, страшно, непереносимо, враждебно, тревожно, в противоположное. Ирония привносит в рациональное схватывание жизни момент игры, момент несерьезного отношения к тому, что слишком серьезно задевает человека. Ирония – это путь к освобождению, некая степень свободы. Ирония – это еще неотрванность от детства. Это уже не детство, но и не зрелость взрослого.

Особенностью выражения иронии является одновременное существование и взаимопроникновение двух планов: внешнего и внутреннего. Внешний смысловой план сравнивает ценностный потенциал субъекта и объекта иронии и делает положительный вывод в пользу объекта иронии. Внутренний смысловой план корректирует выводы, сделанные на основе анализа внешнего плана, а именно, выносит положительный вердикт в пользу ценностного потенциала субъекта иронии. При этом субъект иронии преобразует свое ироническое осмысление объекта в вербальный план с помощью специфических средств выражения, которые указывают на иронический контекст.

Ирония в лингвистике. Лингвистические исследования традиционно базировались и базируются на методологии других наук. Особняком стоят сравнительно-историческое языкознание, выработавшее собственные методы, и структурализм, оказавший огромное влияние на научную картину мира в целом.

Термин «ирония» вплоть до конца прошлого столетия использовался для обозначения разновидности тропа, антифразиса.

Как показал наш краткий обзор эстетико-философских и психологических работ, такое понимание сложнейшего типа мировоззрения чрезвычайно суживает, редуцирует предмет исследования, ограничивая его, во-первых, только лексическим уровнем иерархической системы языка, а во-вторых, однозначным указанием на насмешку как цель иронии.

В последние десятилетия, в связи с поворотом лингвистики к исследованию целостного текста, дискурса – «текста, погруженного в ситуацию» (Н. Д. Арутюнова), а также под влиянием общенаучной парадигмы постмодернизма, не только раздвинувшей границы науки о языке, но сделавшей эту науку главной, объективировавшей иронию как тип мировоззрения, интерес лингвистов к данному феномену стремительно возрос. Стали говорить даже о формировании новой науки «иринологии» [11; 15]. Вместе с тем единой дефиниции так и не возникло.

В диссертации И. А. Антонио была предпринята попытка проанализировать специфику дефиниции иронии в различных диссертационных работах [1]. Автор утверждает, что, поскольку любую науку определяет терминологическая система, лингвисты не должны заимствовать термины из философии и других наук, а внести в них лингвистическое содержание. Проблема касается не только пересмотра дефиниций, но и соответствия ключевого термина принципам анализа фактического материала. Многие исследователи, принимают эстетические положения теории комического формально, не включая их в целостный процесс изложения, а используя как избыточную информацию, повисающую в воздухе.

И. А. Антонио предлагает собственное лингвистическое толкование иронии: семантический механизм переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющийся при помощи интонации, контекста (как текстового, так и экстралингвистического). Коммуникативная цель иронических высказываний может варьироваться от «выражения сомнения» до «дискредитации адресата». Смех может возникнуть как незапланированный перлокутивный эффект но только у косвенного адресата. Имплицитный характер негативной оценки делает возможным признать иронию «скрытой речевой агрессией» [Там же, с. 15].

Полагаем, что отнесение иронии к скрытой агрессии – результат устойчивых стереотипов в мышлении лингвистов, которые, проводя исследования в эпоху постмодернизма, должны не следовать устарелой жесткой директиве, а впитать в теоретическое осмысление иронии все то, что отвечает современным тенденциям научного знания.

Во-первых, учитывая тот факт, что «весь мир – это текст», который не существует вне интер- и интра-дискурса [5], художественный текст необходимо рассматривать как открытую многослойную систему, ориентированную на интерпретацию иронии современным читателем. Кроме иронической коммуникации между персонажами, существует ирония автора, который и комментирует диалоги, и описывает события, и рефлексировать, и обращается к читателю. «Ирония как текстовая категория, реализуясь лингвистическими средствами, – совершенно справедливо замечает О. Г. Петрова, – тесно связана с экстралингвистическими моментами (социальной позицией автора, его биографией, положением в обществе, этическими нормами, философско-политическими течениями эпохи)» [9].

Во-вторых, считаем необходимым учитывать то, что ирония как определенное дистанцирование от своего объекта, возвышение над ним может преследовать не только негативные цели, а выполнять защитные функции, функции вытеснения, эстетическую функцию игры с формой.

В-третьих, современное лингвистическое исследование не может обойтись не только без философского взгляда на иронию, но и без использования когнитивных теорий.

Творческая деятельность современного ученого должна протекать не в рамках той или иной науки, а в рамках проблемной ситуации.

Данные философии, психологии, лингвистики свидетельствуют, что значение иронии неустойчиво и в каждом конкретном случае индивидуально.

Выделяя неизменные черты, можно определить иронию как языковую игру, основанную на чувственно-рассудочном отстранении от объекта, возвышении над ним, соединении несоединимого, новом видении ситуации. Ирония – обладающий аксиологическим потенциалом своеобразный защитный механизм, непредсказуемая объективация которого должна доставлять эстетическое наслаждение, удовольствие от душевных процессов. Интерпретация иронии в художественном тексте, допуская бесконечные варианты понимания, должна опираться на интердискурс автора, персонажей и читателя.

Надеемся, что данное исследование внесет определенный вклад в теорию иронии и будет полезным при практической интерпретации художественного текста.

Список литературы

1. **Антонио И. А.** Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 16 с.
2. **Аристотель.** Никомахова этика [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 25.11.2015).
3. **Зольгер К.-В.-Ф. Эрвин.** Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М.: Искусство, 1978. 432 с.
4. **Ирония** [Электронный ресурс] // Краткий словарь по эстетике. URL: <http://esthetiks.ru/ironiya.html> (дата обращения: 20.10.2015).
5. **Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса** / пер. с фр. и португ.; общ. ред. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
6. **Киришаум Э. И.** Ирония как защитный механизм [Электронный ресурс]. URL: <http://psytop.com/content/view/9/4/> (дата обращения: 25.11.2015).
7. **Лосев А. Ф.** Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство: из истории домарксистской эстетической мысли / сост. и общ. ред. П. С. Трофимова. М.: Наука, 1966. С. 54-84.
8. **Лосев А. Ф., Шестаков В. П.** История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. 376 с.
9. **Петрова О. Г.** Языковое и экстралингвистическое в иронии как компоненте идиостиля писателя (на материале произведения У. М. Теккерея и Ч. Диккенса): автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2010. 18 с.
10. **Пигулевский В. О.** Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов н/Д: Фолиант, 2002. 418 с.
11. **Походня С. И.** Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.

12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
13. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века: сборник статей / сост. и перев. С. Л. Фокина. СПб.: Мифрил, 1994. 348 с.
14. Философская энциклопедия: в 5-ти т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970.
15. Фомичева Ж. Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992. 170 с.
16. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука, 2014. 288 с.
17. Шлегель Ф. Из «Критических (ликейских) фрагментов» [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/schlekr.pdf> (дата обращения: 11.10.2015).

**IRONY AS A MULTI-ASPECT PHENOMENON:
THE METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LITERARY DISCOURSE ANALYSIS**

Zinchenko Nataliya Sergeevna

*Taras Shevchenko Transnistria State University
zinchenko12@gmail.com*

The paper makes an attempt to reveal separate perspective interpretations of the phenomenon of irony in philosophy, psychology and linguistics. By means of comparative analysis of dictionary definitions, philosophical and scientific works, articles, dissertation researches the author aims at revealing general rational features, which may underlie the creation of the model of interpretation of an ironic literary discourse that corresponds to a contemporary scientific paradigm.

Key words and phrases: irony; literary text; philosophy; psychology; linguistics; inter-discourse; intra-discourse.

УДК 811.512.141

Статья раскрывает содержание одного из центральных концептов культурного пространства башкирской языковой картины мира – концепта “бәхетһез катын-кыз язмышы” («несчастливая женская судьба») на материале народных песен. Концепт «несчастливая женская судьба» исследуется в тесной связи с концептами «любовь», «душа», «родина». Анализ материала показал национально-специфические особенности данного концепта в мировоззрении башкирского этноса.

Ключевые слова и фразы: концепт; башкирские народные песни; женская судьба; любовь; душа; родина.

Ишкильдина Линара Камиловна, к. филол. н.

*Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
lina86_08@mail.ru*

**КОНЦЕПТ “БӘХЕТҺЕЗ КАТЫН-КЫЗ ЯЗМЫШЫ” («НЕСЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ СУДЬБА»)
В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БАШКИР**

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, исследовательский проект № 15-34-01021
«Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении».*

В культуре народа песни зарождаются под действием глубоких эмоциональных переживаний. В любой культуре не принято говорить о счастье, тем более распевать о нем в песнях. Отчасти поэтому в песенном фольклоре каждого народа есть тексты с отрицательными мотивами.

Понятие «женское счастье», можно сказать, универсальное в мировом сознании и содержит в себе такие аспекты, как счастливая и вечная любовь, счастье материнства, крепкая и дружная семья и т.д. Напротив, концепт «несчастливая женская судьба» имеет свои лингвокультурологические и специфические особенности в каждом языке. Ведь еще Л. Н. Толстой выразился, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по-своему» («Анна Каренина») [7, с. 3]. Так и мы считаем, что содержание понятия «несчастливая женщина» (как и «несчастливая семья») имеет свою исключительность в сознании каждого народа и языковой картине мира любого этноса.

Выбор народного песенного фольклора для раскрытия данной темы продиктован тем, что «культурные концепты башкирских песен оказывают влияние на формирование башкирской ментальности, так как являются носителями национально-культурной информации народа» [6, с. 44]. Для исследования был привлечен раздел «Песни о женской судьбе» в книгах «Башкирское народное творчество. 1 том. Песни» 1954 и 1974 гг. [2; 3]. Важно заметить, что башкирские народные песни освещают патриархальный период истории жизни башкир, тем самым наше исследование раскрывает содержание концепта «несчастливая женская судьба» песенного фольклора в лингвокультурологической картине мира башкир досоветского времени.

В данной статье предпринята попытка анализа языковых единиц для представления понятия концепта «несчастливая женская судьба» в башкирских народных лирических песнях. Исследование данного концепта станет важным звеном в мозаике концептосфер, складываемых вокруг основной системы, называемой «языковая картина мира башкирского народа».